А. М. Севастьянов

Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения

Севастьянов Алексей Михайлович — Уполномоченный по правам человека по Челябинской области, магистрант кафедры социологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: pravosoznanie@pisem.net).

Аннотация. На основе результатов социологического исследования анализируется измерение социальной несправедливости, позволяющее выявить проблемы, сформулировать смыслы, предложить модели управления, сокращающие воспроизводство несправедливости.
Ключевые слова: базовые ценности, коммуникации, социальная несправедливость, социальный протест, сложность природы и проявлений, социальные трансформации, социальная динамика, отношения «человек-власть».

Социальная несправедливость становится все более значимым фактором социальных изменений современного общества, возникающим как результат взаимодействий индивидов, социальных структур гражданского общества и органов власти. Социальная несправедливость является системным и воспроизводимым признаком современных взаимодействий управления, ускоряющим социальную динамику, меняющим социальную карту мира и личности. Обострение чувства несправедливости в России проявляется в увеличении потока жалоб и обращений в административные и судебные органы, в ненасильственных массовых протестных акциях, а также в формах стихийного протеста против несправедливости с проявлениями насилия. Общественные трансформации, революции, бунты и общественные протесты вызываются социальной несправедливостью. Социальная несправедливость возникает как результат взаимодействий индивидуумов, социальных групп, обществ или государств, и закрепляется в общественных практиках, формируя государственные институты. Революции разрушают институты, но несправедливость воспроизводится вновь и вновь и во все более жёстких формах. Зачастую эти действия направлены на установление новых норм справедливости. Пример тому — события на Манежной площади в декабре 2010 года, процессы самоорганизации системы управления и массовое убийство в станице Кущевская

5 ноября 2010 г., избиение участников рок-фестиваля Торнадо в Миассе, Челябинской области 29 августа 2010 г., бунт в следственных изоляторах в Копейске 28 апреля 2010 г. и в Челябинской колонии 7 декабря 201 г., акции протеста в Челябинской колонии № 2 и попытка массового суицида 7 ноября 2011 г.

Зоны социальной несправедливости и напряжения возникают в группах социально обездоленных или незащищённых людей: заключённых, детей-сирот, мигрантов, слабо обеспеченных граждан — пенсионеров и инвалидов. Самая главная проблема, с которой сталкивается сегодняшняя глобальная цивилизация, в том числе и Россия, которая порождает и включает в себя десятки и сотни других противоречий, — «непрерывно растущая, как раковая опухоль, несправедливость»[1]. Пренебрежение, если не подавление, государственными институтами и бизнес-структурами гражданских прав отмечается повсеместно.

Интенсивность общественного отклика на вызовы несправедливости слабо зависит от режимов, стран, экономик и культур. Тем не менее, социокультурный, экономический и правовой контекст социальной системы и ее окружающей среды в значительной мере определяют картину общественного отклика на вызовы социальной несправедливости, а также набор инструментов и институтов, вступающих во взаимодействия по поводу несправедливости. Все очевиднее становится встроенная системная ошибка в интерпретации современных отношений власти и общества в рамках теорий справедливости[2]. Разработка путей разрешения проблем социальной несправедливости на основе нового понимания данного феномена является актуальной для современного общества[3].

Системная ошибка управления, приводящая к воспроизводству несправедливости, приводит к использованию властью инновационных технологий «встречной волны возбуждения», формированию искусственных микро-хаосов для подавления общественного недовольства.

Изменение практик государственного управления меняющимся обществом, с одной стороны, и открытость социальных систем, с другой, создают проблемы применимости накопленного научного знания[4]. Дилемма «справедливость-несправедливость» находится на стыке двух более глубоких ди-

---

[1] См. : *Султанов Ш.* Жить по правде. Несправедливость как предельный вызов. [Электронный ресурс]: Завтра. — 2007. — 31 окт. URL: http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/07/728/41.html (дата обращения: 15.07.2011).

[2] См. : *Ролз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. / науч. ред. и предисл. *В. В. Целищева.* Изд. 2-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010.

[3] *Севастьянов А. М.* Мониторинг и измерение социальной несправедливости: исследование опыта Организации Объединенных Наций // Вестник Челябинского Государственного Университета. — 2011. — № 47. Философия. Социология. Культурология. Вып. 23.

[4] *Миронова Н. И.* Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. — Челябинск, 2007.

лемм социологии: *соотношения действий человека и социальной структуры,* а также *консенсуса и конфликта* в обществе. Приближение к решению этих дилемм требует нового научного понимания и более глубокого исследования *феномена несправедливости*. Новое понимание данного феномена позволяет разработать пути разрешения проблем социальной несправедливости, предложить институализацию гражданских инициатив, способствующих снижению в обществе чувства несправедливости, что является актуальным для современного российского общества.

Феномен социальной несправедливости является системным свойством сложных открытых социальных систем. Несправедливость представляет более сложное многофакторное явление, чем её упрощённая интерпретация как антонима справедливости. Несправедливость не только семантически противопоставлена справедливости, но и имеет отличную от неё социальную сущность, содержание и источники. Социальная несправедливость рекурсивно воспроизводится во взаимодействиях управления, возникающих между индивидуумами или группами населения, с одной стороны, и структурами управления, наделёнными управляющими или распорядительными функциями, с другой, и сопровождается воспроизводством насилия над личностью, унижением или попранием её чести и достоинства.

В первом исследовании были выделены и зафиксированы позиции, специфические для данной проблемы, а также, уточнены типичные характеристики, полученные другими исследователями. Предварительный анализ завершается проведением экспертного опроса[1].

Вторая часть исследования состояла из двух этапов в рамках проекта «Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества» (на примере Челябинской области). Были проведены три сессии слабо структурированных интервью. Первая — с гражданами, попавшими в ситуацию несправедливости, и обратившимися за помощью в офис Уполномоченного по правам человека (УПЧ) в Челябинской области. Вторая — с представителями власти, которые в той или иной степени были вовлечены в создание ситуации несправедливости или её разрешение. И третья — с модераторами, работниками офиса уполномоченного по правам человека, ведущими открытые Уполномоченным по правам человека дела по принятым к рассмотрению заявлениям граждан.

---

[1] Социологическое исследование «Экспертная оценка социальной несправедливости в обществе на территории Челябинской области». Научный руководитель —А. М. Севастьянов. Объём выборочной совокупности: 300 респондентов, включающих представителей общественных организаций и объединений, правозащитных организаций, лидеров общественного мнения территорий, представителей социальной сферы, депутатов ЗСО, Челябинской городской Думы, депутатов муниципальных образований, членов Общественной палаты Челябинской области, представителей силовых ведомств (УВД, ФСБ, Прокуратура, ГУФСИН, ФССП — приставы, ФМС), судов и адвокатуры. Метод исследования: почтовая рассылка и телефонное интервью с экспертами по формализованной анкете. 2011 г.

На второй стадии в связи со слабой изученностью смыслового контекста и сущности происходящих социальных явлений, продуцирующих и воспроизводящих ощущение несправедливости у индивидов, ставилась задача исследовать смыслы социальных действий, значения фактов социальной действительности, субъективные образы изменяющегося мира. Общая стратегия состояла в открытом, поисковом, полуструктурированном характере анализа каждого отобранного случая-ситуации. Изучение каждого случая начиналось с анализа допущенной несправедливости, поведанной в письме-обращении гражданина в органы власти. Затем проводились слабо структурированные интервью с гражданами-заявителями, с представителем органа власти, решающим проблему по обращению гражданина, с представителем органа власти, на которого жалуется гражданин и с представителем УПЧ в Челябинской области[1]. Сбор данных дополнялся материалами анализа документов — материалов СМИ, протоколов заседаний и других материалов офиса УПЧ в Челябинской области. Была поставлена и достигнута цель — исследовать социальные взаимодействия, продуцирующие социальную несправедливость.

Детализация всех аспектов каждого случая осуществляется на этапе результатов анализа интервью всех участников, что позволило выявить субъективные представления каждого из них о несправедливости как результате непосредственного взаимодействия представителей органов власти с гражданами, об их внутренних ощущениях и чувствах, сформулировать противоречия и причины, способствующие возникновению несправедливости. Такой подход позволил получить определённое знание о частных фрагментах социальной реальности, лучше понять социальную суть феномена несправедливости, осуществить его всестороннее описание. Результаты социологического исследования подтверждают фрагментированность современного российского социального пространства, которую необходимо учитывать при прогнозировании перемен и определении зон, требующих модерации[2].

Прежде всего, следует отметить различие в оценке современного уровня несправедливости и её динамики: 30,3 % представителей власти, принявших участие в опросе, считают, что несправедливость уменьшается. С ними солидарны лишь 5,1 % лиц, переживающих несправедливость. Не отмечают ка-

---

[1] Социологическое исследование «Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества» (на примере Челябинской области)». Научные руководители исследования — *Л. А. Василенко, Н. И. Миронова*. Кейз-стади и неформализованное слабо структурированное интервью их участников. Объем выборочной совокупности: 100 респондентов, в том числе, 50 респондентов, попавших в ситуацию социальной несправедливости и обратившихся за помощью в ее разрешении к Уполномоченному по правам человека, 40 респондентов — представители власти, 10 респондентов — работники офиса уполномоченного по правам человека, участвовавшие в разрешении ситуации несправедливости или ее создании. Челябинск, 2011. Сентябрь-октябрь.

[2] *Василенко Л. А., Миронова Н. И.* Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. — 2011. — № 6.

кой-либо динамики несправедливости 29,7 % представителей власти и лишь 12,8 % пострадавших. В то же время 64,1 % пострадавших считают, что несправедливость растёт, и с ними согласны 40 % представителей власти.

Проведённое исследование позволяет нарисовать коллективные портреты (психологический, философский, социальный, политический, ментальный этих двух групп респондентов), оценить различие видения ими проблемы несправедливости, базовых ценностей, ожиданий разрешения несправедливости, системного видения феномена несправедливости, оценки уровня коммуникаций, социальной активности и самоорганизации для решения проблемы.

Сравнивая **групповые психологические портреты**, следует подчеркнуть, что факт *попрания человеческого достоинства* как определяющее свойство несправедливости отмечают 100 % представителей власти и 77,5 % пострадавших. В то же время фатализм и понимание *невозможности влиять на процессы возникновения несправедливости* свойственно 65 % пострадавшим и лишь 22,6 % властной группы респондентов. Интересно, что *потерю свободы выбора* как несправедливость оценивают 55,6 % властной группы и лишь 35 % пострадавших. В то же время чувство собственного бессилия как признак несправедливости переживают 65 % пострадавших и лишь 33,3 % чиновников. Потерю моральных ориентиров как признак несправедливости выделяют 25 % пострадавших и 22,2 % чиновников.

Исследуя отраженный в групповом общественном сознании и социальном опыте **философский феномен несправедливости**, следует отметить, что источником несправедливости *разрушение морали и нравственности в обществе* считают 41,4 % представителей власти и 80 % пострадавших от несправедливости. *Неготовность человека увидеть возможности разрешения несправедливости* отмечают 41,1 % чиновников и 32,2 % граждан, при этом юридическую безграмотность населения отмечают 92,2 % чиновников и 77,5 % представителей самого населения. *Несправедливость как признак «времени перемен»* отмечают 30,3 % чиновников и 42,5 % пострадавших.

Рассматривая различия **коллективных социальных портретов**, следует подчеркнуть, что властная группа выглядит более креативной, а представители населения — реактивной. Творчески активными себя считают 50 % чиновников и 32,5 % пострадавших. Социальным опекуном для слабых себя идентифицируют 40 % чиновников и 32,5 % граждан. В то же время вмешиваются в ситуацию, когда видят несправедливость, 52,5 % населения и 50 % чиновников. 82,5 % населения вмешивается в ситуацию несправедливости, когда это задевает их собственные интересы, также поступают 10 % чиновников.

Несправедливость как политический фактор отражается обеими группами с меньшими различиями. Обязанность власти обеспечивать благосостояние всех граждан отметили 72,4 % чиновников и 91,9 % пострадавших. Обязанность власти *создавать равные возможности* достижения благосостояния

выделили 60,3 % представителей власти и 91,2 % — населения. Но есть и различия. Так, *работу власти в интересах общества* отметили только 20,1 % чиновников, представители населения ожидают от власти альтруизма 48,6 % населения. *Обеспечивать благосостояние наиболее слабых членов общества* обязанностью власти считают только 10 % лиц, принимающих решения, и 32,4 % лиц, переживающих несправедливость. В то же время *обязанностью власти поддерживать сильных, которые могут затем обеспечить слабых*, считают 39,7 % чиновников, и только 24,3 % граждан.

Несправедливость как фактор самоорганизации, провоцирующий позитивные изменения и *толчок к борьбе за свободу* выделили 40,3 % чиновников, и 43,2 % пострадавших. С тем, что *несправедливость заставляет действовать, чтобы изменить жизнь*, согласны 80 % чиновников и 83,8 % пострадавших. А вот *приобретение богатства* как позитивное изменение, вызванное несправедливостью, отметили 30 % представителей власти и лишь 5,4 % представителей населения. Организовать активные индивидуальные действия в ответ на несправедливость согласны 52,3 % чиновников и 52,5 % пострадавших. Интересно, что организовать активные коллективные действия готовы 39,4 % чиновников и лишь 27,5 % граждан. Но вот принять участие в организованных другими коллективных действиях согласны 62,5 % граждан и 40,3 % представителей власти. Проявить заинтересованность и дать совет готовы 55 % граждан и лишь 40 % чиновников.

Аксиомой эффективного управления является **видение проблемы**: «в правильном видении и формулировании проблемы содержится половина её решения». И здесь наше социсследование обнажает поляризацию власти и общества. В том, что несправедливость провоцирует законодательная власть и плохие законы, уверены 50,4 % чиновников и только 27,5 % пострадавших. В коррупции законодателей как факторе, провоцирующем несправедливость, уверены 50 % чиновников и только 32,5 % пострадавших. Но в том, что власть манипулирует законом в своих интересах уверены 47,5 % пострадавших и только 19,4 % чиновников. В непрофессионализме исполнительной власти как источнике несправедливости уверены 47,5 % пострадавших и 12,1 % чиновников. В то время как в коррупции чиновников уверены 33,5 % представителей власти, и только 15 % пострадавших. А вот то, что причиной несправедливости является сама политическая власть с её корыстными интересами, отметили 30 % представителей власти и только 17,5 % пострадавших.

Говоря об **ожиданиях** обеих групп в деле преодоления несправедливости, необходимость изменения правил пользования властью отметили 70 % чиновников и только 42,5 % пострадавших, в то время как предоставление ограниченной свободы власти, но под общественным контролем поддержали 40 % респондентов обеих групп. Сменить власть и поставить другую для преодоления несправедливости согласны 23,5 % представителей власти и только 12,5 % населения.

Разрыв коммуникаций между властью и обществом отмечают 81,2 % чиновников и 92,5 % пострадавших, незнание правил игры, незнание законов и инструкций отмечают 60 % респондентов обеих групп. Хамство, грубость и отказ в приёме жалоб назвали 72,7 % представителей власти и 77,5 % лиц, переживающих несправедливость.

Одновременно, мы наблюдаем большое совпадение в **ценностных коллективных портретах** обеих групп, что дает определённый ресурс для модерации конфликтных ситуаций и преодоления несправедливости. В наборе ценностей, которые готовы защищать обе группы: жизнь выделена 78,4 % представителей власти и 70 % пострадавших, семья — 73,6 % чиновников и 72,5 % пострадавших, здоровье 71,1 % чиновников и 64 % граждан, дети — 42,4 % чиновников и 87,5 % граждан. А вот Отечество готовы защищать 10 % чиновников и 7,5 % граждан, в то время как гуманизм в качестве ценности определили 8,4 % чиновников и 15 % граждан.

Таким образом, результаты проведённого социологического исследования *подтверждают защищаемое положение*, что *феномен социальной несправедливости* является системным свойством сложных открытых социальных систем. Несправедливость представляет более сложное многофакторное явление, чем её упрощённая интерпретация как антонима справедливости. Несправедливость не только семантически противопоставлена справедливости, но и имеет отличную от неё социальную сущность, содержание и источники. Коллективное переживание несправедливости определяет синергия групповых портретов: мировоззренческого, психологического, социального, политического и сложно-системного.

В то же время *новый методологический подход, основанный на предложенном автором синтезе философского, психологического, социального, политического и сложно-системного подхода*, и разработанный в его рамках метод *«группового портрета»* позволяют формировать гибкий перечень показателей и критериев оценки, проводить социологическое измерение и оценивать социальную несправедливость как сложное явление, возникающее во взаимодействиях власти и общества в конкретной точке общественного сценарного развития.

Несправедливость детерминирует управленческие взаимодействия индивидуумов, групп и общества в целом, и может быть признана социальным фактором, представляющим вызов сложившимся институтам управления и самому обществу. То, что социальная несправедливость в данном сценарии является следствием структурного насилия, особенно очевидным становится из анализа эмпирических практик Уполномоченного по правам человека.

Таким образом, несправедливость может быть отнесена к особому типу социального взаимодействия, обладающего устойчивыми и регулярными формами, и воспроизводящемуся в процессах управления. Несправедли-

вость детерминирует управленческие взаимодействия индивидуумов, групп и общества в целом, и может быть признана социальным фактором, представляющим вызов сложившимся институтам управления и самому обществу. Несправедливость как современное социальное взаимодействие входит в противоречие нормам Конституции, международным нормам, правовым документам, общепризнанным нормам морали и этики и принципам справедливости. Усиление социальной несправедливости лежит в основе проявления протестных настроений, конфликтов, ухудшения социального положения людей, унижения чести и достоинства человека, деградации населения. Возникновение в обществе новых социальных институтов рассматривается как ответ гражданского социума на эти вызовы. Развитие гражданских общественных институтов, инкорпорация их в сложившуюся систему управления позволит найти пути преодоления социальной несправедливости.

Предложенный способ интерпретации результатов и соотнесения интенсивности показателей с возможными последствиями отклика социальной системы позволяет выявить зоны её активного формирования, а также тренды возможных изменений и скорость их наступления с тем, чтобы выстроить иерархию приоритетов преодоления несправедливости.

Список литературы

1. *Василенко Л. А., Миронова Н. И.* Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2011. № 6.
2. *Миронова Н. И.* Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. Челябинск, 2007.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. / науч. ред. и предисл. *В. В. Целищева.* Изд. 2-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010.
4. *Севастьянов А. М.* Мониторинг и измерение социальной несправедливости: исследование опыта Организации Объединенных Наций // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2011. № 47. Философия. Социология. Культурология. Вып. 23.
5. *Севастьянов А. М., Миронова Н. И.* Социология несправедливости // Социум и власть. 2011. № 1.

© Севастьянов А. М., 2012